

А. Н. Мещеряков

В статье прослеживается отношение японцев к природной среде обитания в период VIII–XX вв. и влияние этого отношения на процесс самоидентификации Японии и японцев. Автор выделяет несколько периодов, в которые отношение к среде обитания менялось решительным образом, что было связано с господствующими в государстве и обществе оптимистическими/пессимистическими настроениями. Такие трансформации были обусловлены состоянием государства и господствующим языком описания картины мира.

Ключевые слова: Япония, самоидентификация, история, среда обитания, картина мира.

Для полноценного физического и социального существования каждый человек и каждый порожденный людьми институт нуждаются в идентификации, т. е. в проведении границы, обозначающей их отдельность как в физическом пространстве, так и в общественно-идеологической системе. Появляясь позже собственно человека и протогосударственных институтов, государство подчиняется этому правилу.

В истории японского государства можно проследить несколько основных направлений и этапов идентификации.

1. Идентификация государства (со второй половины XIX в. и «японского народа») через сакральную фигуру императора (особый упор делается на непрерывности и несменяемости династии). Данный способ идентификации «работает» с древности до сегодняшнего дня.

2. Идентификация через особые свойства населения, проживающего на территории, подвластной (фактически или идеологически) верховному правителю (императору или сёгуну). Этот дискурс актуализируется при сёгунате Токугава, когда под «особыми свойствами» понимались главным образом морально-этические параметры (лояльность и соблюдение конфуцианских норм общежития), по которым японцы (прежде всего, самураи) превосходят другие народы. В период Мэйдзи, когда

¹ Настоящая статья представляет собой концентрированный итог нескольких наших работ, основная проблематика которых связана с самоидентификацией японцев. См.: Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь. Элементная база. М.: Наталис-Рипол классик, 2004; Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис-Рипол классик, 2006; Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009; Мещеряков А. Н. Гора Фудзи: между землёй и небом. М.: Наталис, 2010; Мещеряков А. Н. Стать японцем. Топография тела и его приключения. М.: Наталис, 2014; Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Дело, 2014.

происходит целенаправленное формирование «государства-нации», к «японцам» относят уже всех обитателей архипелага, и к их особым свойствам добавляются антропологические (цвет кожи, строение тела) и культурные характеристики (обычаи, умения, обостренное чувство прекрасного и т. д.). После окончания Второй мировой войны основной акцент делался на культурных особенностях японцев (дискурс, получивший название «нихондзинрон»).

3. Идентификация через землю (среду обитания) японцев. Этот дискурс восходит к древности и дожил до настоящего времени. К реальной среде обитания он имеет лишь опосредованное отношение. Несмотря на то, что среда обитания японцев менялась сравнительно мало, в разные исторические периоды ей приписывались разные характеристики. По аналогии с широко распространенным термином «воображаемые сообщества» (*invented communities*), этот способ идентификации можно назвать «воображаемой географией» (*invented geography*), в результате которого создается конструкт «земля Японии». Именно этому способу идентификации уделяется основное внимание в нашей статье.

Большая и обильная страна

Исторический путь Японии сколько-то полно прослеживается по письменным источникам начиная с VII–VIII вв., когда происходит формирование централизованного государства. Его управленческие центры располагались в центре Хонсю (так называемый «район Ки-най») в местах нахождения резиденций государей – в Фудзивара, Нара, Хэйан (совр. Киото). Этот тип государства с одним центром власти в столице формально просуществовал до образования сёгуната Минамото (1185 г.), однако его эрозия хорошо заметна уже в X в.

В древности под «государством» (*кокка*) понимался прежде всего государь и его ближайшее аристократическое окружение. Этих аристократов объединяло происхождение от высших божеств синтоистского пантеона. Только они имели право на получение высших рангов (с 1-го по 5-й) и должностей. Численность этой группы составляла всего несколько сот человек. Именно в их среде и происходила выработка критериев для идентификации «японского государства». Низкоранговое чиновничество численностью приблизительно в шесть тысяч человек выступало проводником тех идей, которые вырабатывались «государством». Чиновники имели множество привилегий, освобождались от налогов. Всё остальное население налоги платило. Его подавляющее большинство составляли крестьяне. В древней Японии была принята система надельного землепользования, вся земля находилась в корпоративной собственности государства (т. е. двора). Аристократам обеспечивался наиболее благоприятный доступ к этому основному ресурсу

земледельческого общества, который они постепенно превращали в частную собственность.

Государь и государство выступали в качестве учителя и руководителя по отношению к остальному населению (прежде всего, крестьянам) – одной из главных характеристик «простого народа» объявлялась «глупость», т. е. неспособность к принятию адекватных решений. Именно поэтому в государевых указах эти люди часто именуются «детьми», т. е. людьми не вполне полноценными. Данная метафора подразумевает не только родственную близость и теплоту семейных отношений (в формульных интронизационных указах государи обязуются «ласкать и миловать» народ), но и безоговорочное послушание государю, позиционировавшемуся как «отец» (или даже как «отец и мать») народа. Поскольку общественные отношения характеризовались малой вертикальной мобильностью, в отличие от настоящих детей «государевы дети» не имели шанса на то, чтобы «вырасти» и перестать быть детьми, отстраненными от принятия каких бы то ни было решений, касающихся государства. «Дети» представляли для государства объект заботы (была создана достаточно эффективная система помощи в случае недородов, стихийных бедствий, эпидемий), но они не выступали для государства в качестве предмета гордости, повышающего его престиж, ибо вряд ли можно гордиться носителями глупости.

Повышение престижа государства осуществлялось, в частности, через наделение территории страны положительными и даже превосходными характеристиками. Они закреплены в именовании Японии, которые постоянно встречаются в ранних мифологических, ритуальных, исторических и поэтических текстах. К ним относятся: *Ооясима-но кuni* – Большая страна из восьми (множества) островов (территорий); *Тоёакицусима* – Остров (острова, территории) богатых урожаев; *Тоёасихара мидзухо-но кuni* – Страна обильных тростниковых равнин и удивительных колосьев риса (тростник в данном случае выступает как символ быстрой вегетации и, следовательно, показатель обильности японской земли).

В период создания и начального существования централизованного государства сознание элиты характеризуется оптимистическим настроем, поскольку управленческие и мобилизационные возможности государства демонстрировали положительную динамику. Этот настрой соотносился с представлением о богатстве японской земли не только пищевыми ресурсами, но полезными (подземными) ископаемыми. В VIII в. фиксируется три изменения девизов правления, связанных с обнаружением полезных ископаемых – золота (два случая) и меди. В указах, посвященных обнаружению полезных ископаемых, неизменно подчеркивалась изобильность японской земли. Так, по случаю обнаружения меди в указе государыни Гэммэй говорилось: «И вот донесли Нам, что в стране обильной, где

Мы правим, в земле Мусаси, в стороне восточной, мягкий красный металл сам собой наружу явился. И мыслим Мы божественной сутью своей, что это – сокровище, явленное изволением богов дарующих, на Небе пребывающих, на Земле пребывающих».²

Исторические хроники фиксируют достаточно большое количество природных бедствий (землетрясений, тайфунов, наводнений, засух), пожаров, эпидемий и политических заговоров, которые воспринимались как проявление гнева конфуцианского Неба, синтоистских божеств и будд в ответ на несправедное поведение государя и его чиновников. Для умиротворения высших сил существовал целый комплекс ритуальных и практических мер: моления, материальная и медицинская помощь пострадавшим, послабления в налогах, амнистии, смена девиза правления и т. д. Считалось, что эти меры угодны высшим существам, которые непременно сменяют гнев на милость. Иными словами, жизненные проблемы мыслились как принципиально поддающиеся контролю.

Вышеперечисленные названия Японии и характеристики ее земли предназначались прежде всего для внутреннего употребления и увеличения уверенности элиты в своих силах и правах. Как же обстояло дело с представлениями об окружающих Японию землях и странах?

В период формирования древнего централизованного государства японская элита заимствовала многие китайские концепты, включая и модель пространства. Тем не менее, она претерпела на японской почве существенные трансформации.

Китайская модель пространства предполагала, что вверху находится круглое Небо, а внизу – квадратная Земля (Поднебесная). В центре Поднебесной располагается «срединная страна» – сам Китай, окруженный с четырех сторон варварскими племенами и странами. Японии в этой модели уделялась роль «восточных варваров», которые обязаны приносить дань ко двору «сына Неба» (китайского императора).

По понятным причинам японская элита не захотела принять эту концепцию полностью и позиционировала Японию как независимую страну, а не как вассала Китая. В связи с этим в Японии вводятся собственные (а не китайские!) девизы правления и собственное законодательство – маркеры независимости страны. Кроме того, в начале VIII в. принимается решение о «самовольном» переименовании страны, что было также запрещено в той системе международных отношений, в центре которой находился Китай. Если раньше самоназванием страны было *Ямато* (топоним в центре Хонсю), то теперь в международной практике она начинает гордо именовать себя «*Нихон*» («Присолнечная

² Сёку нихонги, Вадо, 1-1-1 (708 г.). В данном случае использован следующий перевод Л. М. Ермаковой. См.: Норито. Сэммё. / Пер., иссл. и коммент. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1991. С. 141.

страна»). Этот акт был решительной ревизией китайской пространственной концепции. И если для Китая восток (как и любые другие направления за исключением Центра) однозначно ассоциировался с варварами, обитающими на непригодных для культурного китайца землях, то в японском понимании восточное расположение страны было связано исключительно с положительными коннотациями.

Соотнесение Японии с прародительницей императорского рода Аматэрасу, востоком и утренним солнцем становится постоянной и общепринятой характеристикой страны, показателем ее уникального и благоприятного географического расположения.

Соотнося себя с востоком, Япония не называла себя «срединой страной». Тем не менее, японский император часто именует себя «сыном Неба». Поскольку «сын Неба» по определению может быть в Поднебесной только один, то он непременно должен соотноситься только со «срединой страной». Таким образом, древние японцы все-таки считали себя «срединой страной» (или же ее аналогом), хотя и избегали употребления этого термина. Но это была «срединая страна» не для всего мира, а лишь для самого Крайнего Востока, в который Китай не входил. Таким образом, речь идет о «мини-Поднебесной», о ее уменьшенном клоне.

Концепт «срединой страны» предполагал «недвижимость» порядков и может быть охарактеризован как «географический детерминизм»: Центр, где пребывает священный и добродетельный правитель, отличается несравненными природными характеристиками – благоприятным географическим положением, наилучшим климатом. Эти природные условия самым непосредственным образом влияют на обитающих там людей – они изначально «культурны», периферия же не имеет никаких шансов на то, чтобы превратиться в Центр. В первую очередь потому, что периферия по определению обладает дурными природными условиями (климат, рельеф, географическое положение), которые не могут породить «культурность». Осознание этого доставляло глубокое удовлетворение обитателям Центра, которые не ставили своей целью широко-масштабное окультуривание варварских окраин. Именно этим объясняется наблюдаемая на протяжении почти всей японской истории пассивность по отношению к расширению своей территории. Считалось, что периферия мало пригодна для проживания там «культурного» человека.

Концепция «срединой страны» предполагала, что Япония окружена варварами. На их роль были «назначены» племена хаято (обитатели юга Кюсю и прилегающих островов – «южные варвары»), к «восточным варварам» относили племена эмиси (или эдзо – протоайны), населявшие север острова Хонсю со стороны побережья Тихого океана. Племена эмиси на севере Хонсю (со стороны Японского моря) считались «северными варварами», обитателей Силла и Бохай с некоторыми оговорками

можно квалифицировать как «западных варваров». Обязанность варваров – присылать посольства с небольшой данью, чего и требовал японский двор от своих системных партнеров. Эта дань была символической, ответным дарам полагалось быть более богатыми, но нарушение сроков посылки посольств расценивалось как нарушение обязанностей страны-вассала и вызывало угрозу войны (в VIII в. Япония дважды планировала отpravку в Силла карательного корпуса).

Таким образом, представления о местоположении (реальном или же домысленном) страны в мире играли огромную роль в идентификации страны и ее политике. Такая картина мира исключала возможность переживания «малости» или ущербности Японии, скорее, наоборот – японская элита считала свою страну большой – настолько большой, что на ее периферии находилось место и для варваров.

Китай выпадал из этой геополитической модели – осознание Китая как культурного лидера не оставляло японскую элиту, никому не приходило в голову считать Китай варварским государством. Вместе с тем Китаю отводилось место не в Центре, а на западе. Китайская династическая хроника «Суй-шу» сообщает, что в послании японской правительницы Суйко (554–628, на троне 592–628) китайскому императору она именует себя правительницей страны на востоке, где «восходит солнце», а Китай – страной, где солнце заходит (в японской хронике сказано: «Государыня Востока почтительно обращается к императору Запада»)³. В этой геополитической конструкции Центр отсутствовал.

Земля Японии считалась в древности (в отличие от сегодняшнего дня) весьма богатой, благодатной, большой. На этой земле часто обнаруживаются благоприятные знамения, число которых значительно превышает количество знамений неблагоприятных. Это воспринималось как свидетельство того, что правящая династия пользуется покровительством высших существ, которые благоволят ей. Японцы не позиционировали свою островную страну как отличающуюся дурным климатом, подверженную постоянным и разрушительным стихийным бедствиям, как «маленькую» или ущербную. Все названия Японии и ее характеристики подчеркивали положительные свойства ее территории.

Окраинная страна размером с просяное зернышко

Позитивная самооценка Японии постепенно меняется со второй половины периода Хэйан. Это было связано с двумя главными обстоятельствами: упадком централизованного государства (потеря управляемости, мятежи и смуты) и глубоким внедрением в картину мира буддийского языка описания. Это приводит к проявлению пессимистических настроений среди элиты. Общий модус пессимистического отношения к

³ Нихон сёки. Анналы Японии. / Пер. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 2. С. 101 (Суйко, 13-9-11, 608 г.).

реалиям государственной жизни самым непосредственным образом сказывается на общей оценке среды обитания, на восприятии размеров страны и ее географического положения – государственное пространство как бы «сжимается», территория страны начинает восприниматься как крошечная и ущербная. Япония отказывается от посылки посольств в Китай и одновременно в значительной степени перестает позиционировать себя как региональный Центр. Япония отказывается теперь и от приема иностранных посольств – даже из таких стран, которые желали стать вассалами Японии. Когда на Корейском полуострове в 918 г. было воссоздано государство Корё (Когурё), оно пожелало установить дипломатические контакты и приносить дань японскому императору, однако это, казалось бы, столь лестное предложение было отвергнуто.

Вместе с упадком государственности положительные характеристики ее земли отходят на второй план. В связи с глубоким проникновением буддизма во все области жизни синтоистская и китайская модели мира были в значительной степени потеснены картиной мира буддийской. Она зафиксирована, в частности, в «Сутре о человеколюбивых государях» (яп. *Ниннокё* или *Нинно гококу ханья харамичу кё*), которая получила широкую известность в Японии. В этой сутре говорится, в частности, о том, что вокруг расположенной в центре мироздания горы Сумеру вращаются солнце, луна и звезды. Сумеру является обиталищем высших существ буддийского пантеона. По четырем сторонам света от Сумеру расположены четыре континента. Только на Южном континенте живут люди и распространено учение Будды. Южный континент называется *Джамбудвипа* (*джамбу* – мировое древо на севере Индии, *двипа* – земля). Там имеется 16 больших стран, пятьсот средних стран, десять тысяч – маленьких, и бесчисленное число стран с просяное зернышко. Первые упоминания сутры «*Ниннокё*» в Японии относятся еще к VIII в. Показательно, однако, что в это время сутра воспринимается как чисто магический текст – ее чтение предписывается для избавления от болезней, засухи и проклятий,⁴ но ее космологическая часть длительное время оставалась невостребованной.

Востребованность такой картины мира, в которой Япония занимает периферийное положение, связана с общим восприятием жизни и осознанием того, что дела в стране идут не должным образом. Приводимая сутрой градация стран по их размеру давала, казалось бы, возможность японцам для сколько-нибудь благоприятного позиционирования своей страны (тем более, что сутра не содержит никаких сведений собственно о Японии). Однако общественное сознание склонилось к тому, чтобы отнести Японию к «странам с просяное зернышко». Таким образом, в буддийской пространственной модели Япония заняла периферийное и

⁴ См. напр.: Нихон коки (Дайдо, 3-3-1, 808 г.), (Конин, 9-4-27, 818 г.); Сёку нихон коки (Дзёва 5-7-25, 838 г.).

далеко не самое благоприятное положение, ибо она отдалена и от места рождения Будды, и от благодати мировой горы. В этой парадигме прежняя идея об обильности и обширности территории Японии не могла получить сколько-нибудь существенного распространения. Теперь эта земля и ее природа предстают не как источник благодати и радости, а как юдоль печали, временное и ненадежное обиталище.

Средневековые тексты часто определяют территорию Японии, как зернышки проса, разбросанные в море – на окраине мира (*дзокусан коку*; варианты: *хэнти дзокусан*, *дзокусан хэндо*). В предыдущий период Япония описывалась как «большая страна восьми островов», и ее острова не трактовались как уничижительная характеристика, теперь те же самые острова воспринимаются совсем иным образом. Удаленная и крошечная Япония противопоставляется «большим странам» – Индии и Китаю, которые расположены ближе к Сумеру, а потому обладают и более благодатным климатом, и лучшими условиями для проживания.

Одно из первых упоминаний Японии в качестве крошечной страны с сугубо отрицательными характеристиками встречается в сочинении монаха Дзёкэй «Гумэй хоссин сю» (рубеж XII–XIII в.), где тот говорит о том, что родился в неудачное время («до Будды, после Будды»), и в неудачном месте – «в маленькой стране с просяное зернышко», в восточной стране «без кармы, позволяющей освободиться от привязанностей, без деяний, что позволяют достичь просветления и спасти живые существа».⁵ В этом пассаже восток коррелирует с отрицательными характеристиками японской земли, что соответствует психологическим реалиям времени.

Жизнь Дзёкэй (1155–1213)⁶ пришлось на то время, когда в Японии напряженно переживали наступление «конца буддийского закона» (*маппо*). Считалось, что эта эпоха наступила в 1052 г. Концепцию *маппо* можно определить как «хронологический детерминизм»: после того, как Будда достиг нирваны, все реалии этого мира с неизбежностью ухудшаются.⁷ Это касается упадка набожности, невозможности достичь просветления, общего упадка и огрубления нравов, потери почтительности и церемониальности, сокращения продолжительности жизни, участвовавших природных бедствий, мятежей и т. д. Свидетельством тому являлись участвовавшие смены девизов правлений, направленных на преодоление кризисных явлений. Считалось, что это убогое место с неизбежностью будет разрушено огнем, водой и ветрами. Поэтому со второй половины периода Хэйан распространяется практика захоронения в

⁵ Гумэй хоссин сю. Камакура кюбуккё (О просветлении непросветленного сердца. Старый буддизм эпохи Камакура). Токио, 1995. Т. 3. С. 15.

⁶ См. о нем: Н. Н. Трубникова, Бачурин А. С. История религий Японии. М.: Наталис, 2009. С. 301, 376, 428–433.

⁷ Подр. см. Н. Н. Трубникова, Бачурин А. С. История религий Японии. С. 294–301, 435–443.

горах сутр в металлических футлярах – считалось, что горы каким-то образом избегнут разрушения, а футляр поможет сохранить сутру.

В VIII в., когда господствовали оптимистические настроения, Япония считалась большой страной, которой правят «сто поколений государей». При этом под числом «сто» понималось правление вечное. Однако теперь это число стало пониматься буквально. Одним из наиболее ярких произведений, в котором «нынешним временам» даны поистине «убийственные» характеристики является «Гукансё» Дзиэна (1155–1225). В этом сочинении Дзиэн констатирует и упадок нравов, и близящийся конец правления императоров – он считал, что на государственном уровне конец закона Будды проявит себя в исчезновении императорской династии с вступлением на престол сотого императора (исходной точкой считалось правление Дзимму).⁸

Побывавший в Китае знаменитый проповедник дзэн-буддизма Догэн (1200–1253) писал о Японии с неприкрытым ожесточением: «Страна Япония расположена далеко в море, люди там глупы, мудрецов здесь никогда не рождалось, нечего и говорить, что и люди, вступившие на путь учения, здесь редки». В другом сочинении середины периода Камакура говорилось: «Япония и вправду маленькая страна, а поскольку она является таковой, то она не является землей, пригодной для обретения Пути, в ней собрались только люди бескорневые и недобродетельные, только мелкие и недалекие, а потому здесь невозможна проповедь Закона [Будды]».⁹

Исторический парадокс состоит в том, что ламентации по поводу удаленности Японии от родины Будды достигли пика в то время, когда распространение и укоренение буддизма в японской культуре тоже достигли наивысшей степени. Несмотря на драматические перемены в позиционировании Японии, которые произошли по сравнению с прошлым «оптимистическим» периодом, в ходе рассуждений тогдашних мыслителей обнаруживается и преемственность: как процветание государства, так и его упадок напрямую зависят от изначально данной японцам среды обитания.

Разумеется, даже в этот период господства трагических настроений находились мыслители, которые пытались противостоять тотальному пессимизму и размышляли о положительном и уникальном образе Японии. К таким ее характеристикам в первую очередь относились забота о государстве со стороны синтоистских божеств и непрерываемая императорская династия – явление, не наблюдаемое в других странах. Однако в рассматриваемый период эти идеи не были доминирующими в общественном сознании.

⁸ Мецераков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. СПб.: Гиперион, 2006. С. 262–290.

⁹ Цит. по: Утида Хидэо. Нихон-но сюкэтэки фудо то кокудокан. (Земля и территория страны в японской религии). Токио: Даймёдо, 1971. С. 30, 9.

Рубежом в новом переосмыслении идентичности Японии стало возникновение сёгуната Токугава, когда после эпохи кровавых усобиц наступает прочный и долгожданный мир. Еще одной отличительной особенностью этого времени является почти полное закрытие страны. Умами овладевает сознание того, что от внешнего мира следует ждать только неприятностей. Сёгунат проводит политику жесткого изоляционизма, но это не означало, что мыслители периода Токугава «забыли» про существование заграницы. Однако теперь она служит примером «неправильного» устройства жизни. Европу раздирают войны, там свергают монархов. Нынешний же Китай, где к власти пришла «дикая» кочевническая маньчжурская династия Цин, тоже оценивался отрицательно. Что до Индии, то она смещается на периферию общественного сознания.

В период Токугава буддизм перестает быть основным средством для осмысления мира. В значительной степени это было связано с разочарованием в его магических потенциях: буддизм не сумел обеспечить мирную жизнь и единство государства. Мир общественный, государственный, мир образованных управленцев после долгого перерыва вновь обретает преимущественно конфуцианские характеристики, для которых свойственно позитивное мировосприятие. Реалии мирной жизни, ее стабильность создают ситуацию, когда общественная мысль приобретает оптимистический заряд. Буддийская идея о минувшем «золотом веке» и непрекращающемся упадке вытесняется на периферию общественного сознания.

В период Токугава Япония позиционируется как страна счастья и благоденствия. Мыслители того времени неизменно возносили хвалы мирному правлению сёгуната. В отличие от сегодняшнего дня, когда принято подчеркивать бедную ресурсную базу Японии, расхожее мнение того времени заключалось в том, что Япония, как и в VIII в., снова обладает всем необходимым для благополучного существования: «...наша страна изобильна пятью злаками [рис, ячмень, чумиза, бобы, просо], богата пятью металлами [золото, серебро, медь, железо, олово] и во всем испытывает недостаток, потому, видимо, имеет полное основание не оглядываться на других».¹⁰

Замиренному социуму эпохи Токугава сопутствовало ощущение, что и природа Японии тоже пребывает в замиренном состоянии. В это оптимистическое время конфуцианское Небо было «довольно» порядками, царящими на японской земле – продолжительность девизов правления становится существенно больше, чем в предыдущий неблагоприятный период, когда с помощью принятия нового девиза надеялись избавиться

¹⁰ Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих землю морях). / Пер. В. Н. Горегляда. СПб: Гиперион, 2009. С. 47.

от нежелательных явлений. В сознании современников (власти) аномальных природных явлений становится намного меньше, чем раньше. И это несмотря на то, что данные климатологии указывают на существенное похолодание в XVII–XVIII вв. Эдо, где базировался сёгунат, располагался в более сейсмоопасной зоне, чем Киото. Тайфуны в прибрежном Эдо также случались чаще и имели значительно более разрушительный характер. Так что землетрясения, цунами и тайфуны регистрировались в Эдо намного чаще. Огромные размеры города, узость его улиц, деревянные строения, скученность населения провоцировали регулярные опустошительные пожары. Однако все эти напасти, включая сильнейшее извержение вулканов Фудзи (1707 г.) и Асама (1783) не могли поколебать уверенности в благодатности нынешнего времени. Показательно, что ни извержение Фудзи, ни извержение Асама, вызвавшее временное похолодание, неурожай и голод, не привели к изменениям девизов правления.

Похвалы Японии и хула по отношению к загранице были неотъемлемыми чертами дискурса эпохи Токугава. В качестве отправной точки рассуждений о превосходстве Японии над другими странами широко использовался тезис о том, что по своим качествам земля Японии превосходит территорию других стран. Если суммировать аргументы в пользу этого тезиса, то они сводятся к следующему: земля Японии была создана синтоистскими божествами в наиболее благоприятном месте, которое характеризуется средоточием положительной «солнечной энергии» (т. к. Япония расположена на Востоке, то солнце освещает ее первой), страна обладает необходимым для вегетации количеством осадков, «правильным» чередованием четырех времен года, сбалансированностью температурного режима. Силы Инь и Ян находятся здесь во взаимоуравновешенном состоянии. Всё вместе это оказывает решающее влияние на обитателей Японии, которые отличаются церемониальностью (т. е. соблюдением конфуцианских правил общежития, предполагающих строгую иерархичность общественного устройства), трудолюбием, красотой, долгожительством.

Астролог и географ Нисикава Дзёкэн написал в 1720 г. трактат «*Нихон суйдо ко*» – «Размышления о японской земле» (буквально «Размышления о японской воде и земле»). В этом трактате он обосновывал несравненные достоинства географического положения Японии.¹¹ Он отмечал: территория Японии отличается наличием «сильной» и положительной *ки-энергии*. Это обуславливает тот факт, что японцы отличаются моральными (конфуцианскими) достоинствами – они обладают развитым человеколюбием (кит. *жэнь*, яп. *нин*) и любовью-обязанностью (*ай*) по отношению к тем людям, с которыми им приходится вступать в контакт.

¹¹ Мы пользовались следующим изданием: Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко. (Размышления о земле Японии. Рассуждения о земле. Размышления о торговле между Поднебесной и варварами). Токио: Иванами, 1988. С. 18–26.

Кроме того, японцы обладают мужеством-силой, которую они черпают от гор (резервуар *ян'ной* энергетики). В связи с этим японцы любят светлое-чистое-белое, и не любят грязное-мутное, они строго придерживаются церемониальности (*рэй*). В отличие от других стран, даже японские простолюдины неукоснительно справляют Новый год и твердо придерживаются норм брачно-семейных отношений. Новый год – это начало светлой энергии-ки, брак – это основа человеческих отношений-обязательств (*дзинрин*). Поэтому японцы постоянно веселы, жизнерадостны, а уныние – ненавидят. И эти чувства народа – тоже следствие естественного географического положения страны.

В труде Нисикава не встречается привычного для нынешнего времени определения Японии как «островной страны» (*симагуни*). И это при том, что сам термин уже существовал. В другом своем сочинении – «*Каи цусё ко*» («Размышления о торговле Центра и варваров») – Нисикава утверждает, что в море к югу от Индии расположена «островная страна» Сомондара (Суматра). В этой стране отсутствует единый правитель, там есть только племенные вожди, в этой стране страшно жарко, люди там чернокожи и всегда ходят раздетыми.¹² Автор подразумевает, что вышеперечисленные признаки имеют уничижительный характер, они свидетельствуют о дурном климате и, следовательно, о варварских обыкновениях местного населения. В сочинении Нисикава упоминаются еще несколько «островных стран», расположенных на юге, и все они характеризуются похожим образом. Таким образом, термин «островная страна» соотносится с бескультурьем и отсталостью, и Нисикава Дзёкэн не определяет Японию как «островную страну». Нам неизвестно употребление словосочетания «островная страна» по отношению к Японии и у других японских авторов того времени, которые сделали предметом рассуждения географию Японии, хотя все они (включая Нисикава) соглашались с тем, что Япония – это все-таки остров(а).

Нисикава Дзёкэн был озабочен доказательством того, что Япония не является страной крошечной. Он констатировал, что Япония действительно меньше Индии и Китая. Однако справедливо ли суждение о том, что Япония – страна маленькая? В море расположены восемь («восемь» возможно трактовать и как «множество») больших островов-материков. Среди них страна Япония – «самый большой остров». Так почему же называть страну маленькой? Японию именуют «просяным зернышком», но это совсем не так. Огромный земной шар делится на 360 градусов, а длина Японии с востока на запад меньше этого числа всего в 32 раза. А потому Япония – страна совсем не маленькая. Нисикава определяет Японию словосочетанием, который можно интерпретировать как «остров-материк» (*тосю*), т. е. вольно или невольно автор подводит читателя к мысли, что размеры Японии соотносимы с «настоящими» материками.

¹² Там же. С. 144.

Продолжая полемику против уничижительного позиционирования Японии как страны «маленькой», Нисикава отмечал, что большие размеры страны вовсе не означают, что такую страну следует считать «заслуживающей уважения». «Уважаемость» страны определяется климатом (правильностью смены четырех времен года, отсутствием чрезмерной жары и холода) и качеством проживающих там людей (их моральностью), а по этим параметрам Япония – страна несравненная. В странах со слишком большой территорией чувства людей и их обычаи чересчур разнообразны, их трудно объединить. Китай – это страна мудрецов древности, но там из-за разнообразия обычаев все время случаются смены династий. Размеры Японии – не большие и не маленькие, обычаи ее людей, их чувства – одинаковы, управлять ими – легко. Поэтому и правящая династия в Японии никогда не менялась, что делает ее уникальной. Объясняется же это божественностью ее территории.

Раз земля Японии столь благодатна, то неудивительно, что она порождает не только высокоморальных, но и мудрых людей. Нисикава (как, впрочем, и очень многие образованные японцы) остро переживал тот трудно оспоримый факт, что Япония исторически являлась культурным донором Китая. Однако, утверждает Нисикава, местные мудрецы и боги хорошо понимают, как им поступать с заимствованиями: «За исключением [синтоистских] богов и [японской] поэзии, всё в эту страну пришло из Китая. Однако с самого начала мудрецы нашей страны учитывали ее особенности, переосмыслили то, что не может быть применено здесь в неизменном виде, видоизменяли [заимствованное] в такую форму, которая соответствует сердцам людей этой страны, и использовали [заимствованное] в таком виде, чтобы это подходило людям [японцам]. Если же пришедшее из других стран получало распространение в неизменном виде, то это пришедшее само собой принимало форму, соответствующую водам и земле этой страны без всякого участия человека. Приобретение [пришедшими явлениями] облика, соответствующего [сущности] Ямато, объясняется чудесной и неизменной деятельностью божеств».¹³

Потребность в безопасном существовании актуальна для любого государства. Эта безопасность обеспечивается как практическими мерами, так и ритуальными способами. Особенностью «оборонного сознания» Японии эпохи Токугава было признание того, что географическое положение страны само по себе является гарантией защиты против внешних врагов. Нисикава Дзёкэн утверждал, что территория Япония превосходно «укреплена» самой природой, и по этому параметру она превосходит все другие страны. Хотя земля Японии находится поблизости от больших стран, она отделена от них бурным морем. Благодаря этому она никогда

¹³ Кинсэй тёнин сисо. (Идеология горожан нового времени). Токио: Иванами, 1996. С. 152.

не была покорена. В предлагаемой системе ценностей морю придавались положительные смыслы – как стихии, которая отделяет и предохраняет «культуру» от «варварства». Море играло роль искусственного рва с водой. И такая точка зрения являлась в эпоху Токугава доминирующей.

Превознося достоинства своей земли, мыслители эпохи Токугава обосновывали тезис о самодостаточности Японии, которая не нуждается в контактах с внешним миром. Поскольку в этом мире отсутствуют благоприятные природные условия, то эти страны (прежде всего, Запад) ищут возможности для внешней торговли. Кроме того, неблагоприятные природные условия порождают там людей агрессивных и аморальных, так что не существует никакой необходимости в контакте с ними. В наиболее резкой форме это положение обосновывал нативист Хирата Ацутанэ (1776–1843). Он полагал, что Япония расположена на самой макушке земного шара и уподоблял ее «лбу» человека. «Таким образом, страна императоров при сравнении с другими странами отличается непревзойденной красотой своей земли, она светла, ибо расположена там, где тянулись к Небу почки. Что до множества островов в нижней части земли, то поскольку они образовались-сгустились там, где изначально располагалась страна корней [т. е. страна смерти], то там много грязи и скверны». Поскольку в мифе об Идзанаги и Идзанами содержится запрет на посещение живыми этой страны, то синтоистские боги ее больше и не посещали.¹⁴ Напрашивался вывод: и потомкам богов, японцам, тоже там делать нечего.

Если оценивать в целом восприятие природной среды обитания в период Токугава, то следует признать, что она характеризовалась как чрезвычайно благоприятная для проживания – как с точки зрения положения в мире, так и с точки зрения изобильности и климата. Считалось, что эти благоприятные условия порождали «несравненный» тип государства, общества, человека, морали. Связка «земля-люди» осмыслялась как однозначная и жесткая, она обеспечивала условия для оптимистического восприятия жизни и была хорошо приспособлена для автаркического существования. В то же самое время такой тип географического детерминизма служил серьезнейшим препятствием для выработки адекватных ответов на вызовы внешнего мира. В середине XIX в. европейские державы проделали операцию по «открытию» Японии. Операцию, которая не стоила им слишком многих сил.

От островной страны к материковой империи

В середине XIX в. Япония ввергается в жесточайший кризис. Он был обусловлен тем, что мировые державы (США, Россия, Англия и Франция) принудили Японию открыть нескольких портов для торговли. Периоду

¹⁴ Хирата Ацутанэ. Тама-но михасира. Фукко синто. (Истинный священный столп духа. Возрожденное синто). Токио: Сюньёдо сётэн, 1936. Т. 2. С. 280–281.

почти в два с половиной века автаркического и мирного существования пришел конец, в Японию хлынул поток европейской культуры. Японцам становится понятно, что страна безнадежно отстала от Запада – прежде всего, в военном отношении. Сёгунат, на который возлагалась задача по обороне страны и императора, обвиняют во всех смертных грехах, и в 1868 г. он упраздняется. На какое-то время японцы становятся пленниками комплекса неполноценности – им казалось, что в стране не существует достойной уважения культуры и цивилизации, а спасение может принести только тотальная вестернизация. Задачу по модернизации страны берет на себя группа реформаторов, которые объединяются вокруг юного императора Мэйдзи (1852–1912, на троне 1867–1912). Хотя он ничего не решал в практическом отношении, именно Мэйдзи становится знаменем перемен.¹⁵

В период Мэйдзи происходит решительное переосмысление всего предыдущего исторического и культурного опыта. Этот процесс затронул весь строй жизни японцев, включая такие фундаментальные понятия как власть, пространство и время. Радикальные изменения произошли и в осмыслении среды обитания.

Если при Токугава японцы считали свою страну совершенно самодостаточной, то теперь сетования на крошечные размеры территории и обделенность ресурсами становятся обычным явлением. Как и в период господства буддийской картины мира, Япония снова мыслится как крошечная островная страна, бедная ресурсами и оторванная от центра цивилизации – на сей раз Запада. Эти сетования отражают комплекс неполноценности и царящие в обществе пессимистические настроения. Особенно показательны они на фоне того, что в начале периода Мэйдзи территория Японии существенно расширилась: остров Хоккайдо, который раньше не изображался на картах Японии, официально вошел в состав страны. То же самое касается Курильских островов и архипелага Рюкю.

Ситуация начинает меняться с 90-х годов XIX в. К этому времени Япония существенно продвинулась по пути реформ и добилась значительных успехов в экономике и образовании. Особенно большое значение для изживания комплекса неполноценности имела японско-китайская война. Эта победоносная для Японии война заставила Запад взглянуть на нее по-другому. Известный публицист Ёкояма Гэнносукэ (1871–1915) писал: «В 1894 г. разразилась японско-китайская война, и Япония, которая до этого времени являлась одиноким островом на Востоке, и на которую мир не обращал внимания, вдруг предстала в качестве сильнейшей державы Востока и приковала к себе внимания всего мира...»¹⁶ И

¹⁵ Подр. см.: *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2013 (последнее переиздание).

¹⁶ *Ёкояма Гэнносукэ.* Найти дзаккёго-но Нихон. (Япония после начала совместного проживания японцев и иностранцев). Токио: Иванами, 2007. С. 13.

теперь все чаще японцы стали прибавлять к официальному названию своей страны определение «великая» – «великая японская империя».

«Величие» Японии заключалось не только в сакральности ее «изначальной» территории, но и в умении распространить свою светоносность за свои пределы. В связи с победоносными действиями японской армии в войне с Китаем, в результате которой удалось приобрести Тайвань, император Мэйдзи отмечал: «Выражая радость по поводу того, что боевые действия продемонстрировали светоносность Империи, они одновременно показали: Путь, пройденный Великой Японской Империей, имеет вечные основы, о чем Мы и мечтали со дня нашего воцарения».¹⁷ В сочинениях историков или тех, кто ими себя называл, история Японии представляла теперь как история расширения территории Японии, чем она была обязана своим императорам – начиная с Дзимму и кончая Мэйдзи. Поскольку расширение территории требовало соответствующего величине страны дворца, то именно поэтому, утверждал один историк-публицист, императорам приходилось переезжать из одного места в другое. Хэйан был величественнее Нара, нынешняя столица Токио – более величественна, чем Хэйан.¹⁸

Практические меры по расширению страны сопровождались переосмыслением среды обитания, Япония на глазах теряла унизительный статус «одинокое острова». Считается, что своим оптимистическим пониманием термин «островная страна» обязан видному историку Кумэ Кунитакэ (1839–1931). Весной 1894 г. в журнале «Друг народа» (*«Коккумин-но томо»*) он опубликовал статью «Характер островитян». Таких «характеров», по мнению Кумэ, имеется два. В первом случае островитяне проводят изоляционистскую политику, страдают ксенофобией, не склонны заимствовать достижения мировой цивилизации и в результате превращаются в отсталую страну. Второй тип – открытый миру и для мира. Люди такого «островного характера» покоряют моря, склонны к цивилизационным заимствованиям и экспансии. Японцы по своей природе относятся именно ко второму, активному характеру, а изоляционистская политика сёгуната Токугава была лишь досадным недоразумением, идущим вразрез с японским характером.

В духе своего времени Кумэ подвергает сёгунат испепеляющей критике. В период Токугава, когда страна прибегает к полной изоляции, наступает внутренний мир, и в условиях отсутствия международной конкуренции японцы теряют активность, а их мыслительные способности ослабевают. Из изначально активных островитян они превращаются в «горцев», не знающих моря и существующих в условиях автаркии. Если не исправить положения, то Японию ждет судьба варварских островных

¹⁷ *Мори Киёто*. Дайниппон сётёку цукай. (Комментированные императорские указы великой Японии). Токио, 1941. С. 835.

¹⁸ Нихондзин. 1898, № 81. С. 10–13.

государств Индийского и Тихого океанов – все они стали европейскими колониями.

Далее Кумэ сменяет исторический гнев на исторический оптимизм. Островное положение Японии, утверждает он, совсем не обязательно служит свидетельством обреченности. Ведь Великобритания тоже является островной страной, но при этом она сумела стать самой могущественной державой мира, с помощью своего огромного флота она осуществляет связи со многими странами. Англичане сумели развить свой активный «островной характер», потому что они были привлечены морскими просторами. А потому, заключал Кумэ, для Японии тоже не существует ничего невозможного в том, чтобы превратиться в такую же мощную державу. Именно такая «оптимистическая» трактовка термина «островная страна» становится господствующей в Японии конца XIX – начала XX вв. За Японией прочно закрепляется величание «Англия Востока», а термин «островная страна» напитывается положительными смыслами, сулящими процветание страны, которое мыслится как превращение в «материковую империю».

Победа в войне с Россией принесла Японии новое территориальное приобретение – южный Сахалин, но Сахалин был «всего лишь» островом. Тем не менее, ввиду побед над российским флотом за Японией впервые в ее истории закрепляется статус «морской державы». Таким образом, если раньше существенную роль в идентификации Японии играла только суша, то теперь к ней «присоединилось» и море. Но лишь после присоединения Кореи (1910 г.) государственные деятели, мыслители и публицисты наконец-то получили полные основания, чтобы объявить Японию теперь уже «материковым государством», и они наперебой заговорили и о том, что из «островной страны» Япония наконец-то превратилась в «материковую империю». В журнале *«Тоа-но хикари»* («Свет Востока», 1910, №10) Иноуэ Каору (1835–1915), виднейший политический деятель и один из архитекторов реформ периода Мэйдзи, писал: «Если посмотреть на Японию до настоящего момента, то это, конечно, острова. Она состояла только из островов – сам Хонсю, Сикоку, Кюсю, Хоккайдо, Сахалин, Рюкю, Тайвань. Да, Япония состояла всего лишь из многочисленных островов, но теперь к ней оказался присоединен Корейский полуостров, и ситуация сильно изменилась. Корейский полуостров – он и есть всего лишь полуостров, он выдается в сторону северного Кюсю и выглядит почти как остров, и все же он является окончательностью материка».

С присоединением Кореи японцы окончательно перестали воспринимать свою страну как маленькую и ущербную. Говорили: ведь ее площадь больше территории Германии, подобно Великобритании, она владеет колониями, в том числе и на материке. К этому времени произошла полная смена пространственной парадигмы: место сетований

по поводу замкнутого и крошечного островного пространства, отгороженного от мира водной преградой, занимает расширяющаяся территория империи. В то же самое время разгорается дискуссия об этногенезе японцев и национальном составе страны. Размер Японии и ее этнический состав осознавались как взаимосвязанные понятия.

В обществе высказывались самые разные идеи о происхождении японцев, говорилось и о «чистоте» японской расы. Что касается правительств, то оно взяло твердый курс на то, что Япония является страной многонациональной. Эту многонациональность японцы демонстрировали на всемирных выставках. Так, на выставке в Сент-Луисе (1904 г.) была построена айнская деревня. Как и колониальные павильоны западных стран, эта экспозиция была призвана продемонстрировать себе и миру, что Япония – империя «настоящая», скроенная по западному, многонациональному лекалу. С присоединением Кореи Япония обрела более 10 миллионов новых подданных, и теперь «инородцы» составляли около 30 процентов населения страны. Наиболее ретивые сторонники многонациональности даже заявляли, что Япония – страна более полиэтническая, чем Россия, а всякое «поли» лучше, чем «моно», поскольку только многообразие способствует развитию.¹⁹ Тезис Кумэ Кунитакэ о «похожести» Японии и Великобритании предполагал, что они схожи не только своим островным положением, но и многонациональностью.

В школьных учебниках тоже говорилось о полиэтнической Японии. Согласно учебнику географии 1919 г. национальный состав империи выглядел следующим образом: «Большую часть народа составляет народ Ямато численностью более 54 миллионов человек. Кроме этого, в Корее проживают около 16 миллионов корейцев, на Тайване – более 100 тысяч аборигенов и более 3 миллионов мигрантов из Китая. На Хоккайдо живут айны, а на Сахалине – айны и другие аборигены. Все эти народы отличаются друг от друга, но все они являются в высшей степени верноподданническими имперскими народами».²⁰

В пособии по истории для средних школ 1935 г. утверждалось, что японский народ ведет свое происхождение от императоров (потомков богов), спустившихся на землю Японии, созданную богами для японцев. Помимо этих потомков богов, в процессе этногенеза участвовали «переселенцы (из Кореи и Китая), а также инородцы (племена эдзо, кумасо), но они были быстро ассимилированы в нашей стране, и все вместе, объединившись вокруг императорского дома, они проявили верноподданничество и достигли нынешнего процветания».²¹ Беря за пример

¹⁹ Огума Эйдзи. Танъицу миндзоку синва-но кигэн. (Происхождение мифа о мононациональном народе). Токио: Синъёся, 2010. С. 77–78.

²⁰ Там же. С. 160–163.

²¹ Накадзима Ясу. Кёкасё дзюнкё кюсё-о цукаму нихон рэкиси. (История Японии. Толкование основных положений учебника). Осака: Синсиндо, 1935. С. 2.

США, учебники по истории буквально объявляли Японию «плавильным котлом народов».

После присоединения Кореи ученые и журналисты принялись выискивать корейский элемент в мифах «*Кодзики*» и «*Нихон сёки*», они выявляли близкое родство японского и корейского языков, общие черты в физической антропологии двух народов. Археологи и историки находили «корейский след» в древней японской культуре (керамика, архитектура, произведения буддийского религиозного искусства) и истории (например, культуртрегерская деятельность корейских мигрантов при японском императорском дворе в древности). Подчеркивалось, что, согласно генеалогическим спискам «*Синсэн сёдзироку*» (815 г.), треть японской элиты составляли корейские и китайские мигранты. Говорилось и о том, что в жилах императрицы Дзингу Когу по материнской линии текла корейская кровь, а супруга императора Камму тоже имела корейские корни. На этом основании утверждалось, что нынешние корейцы в состоянии «подтянуться» до японцев. Не были забыты и предания о завоевательном походе императрицы Дзингу Когу в Корею, и тесные отношения между Ямато и древнекорейскими государствами (Имна, Пэкче). Наиболее радикальная точка зрения заключалась в том, что наряду с японцами корейцы тоже являются потомками синтоистских божеств.²² Таким образом, присоединение Кореи выглядело в общественно-государственном сознании в значительной степени как восстановление изначальной (т. е. «нормальной») ситуации совместной истории, ситуации, наблюдавшейся еще в глубокой древности. Практическим воплощением этой идеи стал «династический брак» между вывезенным в Японию корейским наследным принцем Ли Юн и дочерью японского принца Насиномото (1919 г.).

Беря пример с западных колониальных империй, в Японии стали утверждать: миссия японского народа – нести «свет» цивилизации другим народам. Корейцы попали в их число. То есть следует научить их японскому языку, передовым агротехникам и технологиям, стилю жизни и верноподданничеству по отношению к императору, подтягивать их к своему культурному уровню, и тогда они станут полноценными членами японской империи, вольются в единую семью. Одни идеологи говорили, что меньшинства станут настоящими «братьями» (будут ассимилированы), другие настаивали, что они получают статус «приемных детей».

Если выразить официальную точку зрения в обобщенном виде, то она будет выглядеть следующим образом: японцы («народ Ямато») являются потомками синтоистских божеств. В начале своей истории народ Ямато быстро ассимилировал некоторые этносы, поэтому к сегодняшнему дню он накопил необходимый исторический опыт для «вбирания в себя» других народов. Благодаря тому, что японцы имеют опыт про-

²² Огура Эйдзи. Указ. соч. С. 104–109.

живания и в холодном, и в тропическом климате, они способны к расселению по миру (прежде всего, в Азии).

Морская стихия обладала теперь исключительно положительными значениями, она выступала в качестве той проводящей среды, которая обеспечивает прохождение солнечного света, света, исходящего от Японии. На страницах довоенных школьных учебников Япония фигурировала в качестве «морской державы»: «Нынешняя Япония, как и говорит название «морская Япония», во всех морях мира подняла свой «солнечный круг» (национальный флаг – А. М.), который испускает сияние страны... Пространство, на котором несет свою славу морская Япония – необъятно. Продвигаться по этим широким просторам с «солнечным кругом» – наше благородное предназначение».²³

Земля Японии признавалась «божественной» и ритуально «чистой». Поэтому моральный долг ее обитателей заключается в том, чтобы «очищать» другие страны. Предполагалось, что вхождение азиатских стран в зону японского влияния избавит их от гнета «нечистого» белого человека и обеспечит им процветание. Свое законченное и официальное выражение паназиатизм получает в концепции «великой восточноазиатской зоны сопроцветания». Это словосочетание начинает широко использоваться в политическом лексиконе в 1940 г. Границы этой «сферы» поначалу включали в себя Японию, Маньчжурию и Китай, потом в нее вошли французский Индокитай (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), Голландская Индия (Индонезия), британские колонии Малайя (Малайзия), Борнео, Бирма, американские Филиппины, независимый Таиланд. В документе, вышедшем в сентябре 1941 г. из недр Министерства военно-морского флота, эти территории назывались «южными территориями Японии» и ее «внешними контурами». Главным геополитическим лозунгом стало выражение «*хакко итицу*» – восемь углов под одной крышей. Под этой формулой понималось, что весь мир («восемь углов» или «восемь направлений») надлежит «накрыть» одной крышей, историческая миссия по возведению которой принадлежит Японии. Только она одна – в силу своей «чистоты» – и способна выполнить миссию по деколонизации Азии. Освобождение Азии от западного колониализма зачастую описывалось именно в терминах ритуального «очищения». В этом и состоит «новый порядок» (по аналогии с «новым порядком» нацистов и «новым миром», который обязались построить коммунисты), к которому стремится «дух японского народа». Этот порядок может возникнуть только при условии разрушения старого мироустройства, который «поддерживается Америкой и Англией». И тогда народы Востока, являющиеся «собратьями» японцев, обретут счастье и гармонию.

²³ *Ириэ Ёко*. Нихон га камин-но кунни дата дзидай. Кокумин гакко-но кёкасё-о ёму. (Время, когда Япония была страной богов. Читая учебники народной школы). Токио: Иванами, 2001. С. 45.

От «островной страны» к «стране-саду»

Сразу после окончания Второй мировой войны в Японии господствовали пессимистические настроения, обусловленные как самим поражением, так и крахом прежней картины мира. Потеря заморских территорий снова вернула Японию в ее островные границы. Те исторические представления, на которых был основан довоенный дискурс, оказались разрушенными. Те исторические фигуры, которые в прошлом рассматривались как образец верноподданничества, оказались скомпрометированы. Однако потребность в национальной самоидентификации и предмете гордости оставалась по-прежнему насущной. И тут на выручку приходит новое переосмысление среды обитания. Показательный пример представляет метаморфоза, случившаяся с Фудзи. Она была символом мощи и амбиций грозной империи, однако сразу же после окончания войны превратилась в символ новой – демократической и мирной – Японии.

Недавняя история Японии представлялась после войны вереницей ошибок. Сама дисциплина под названием «история» оказалась скомпрометированной. На сцену выходят этнологи, которых идейно возглавлял Янагита Кунио, еще в довоенные времена говоривший о том, что японцы – народ островной. Если официальная точка зрения довоенных идеологов заключалась в том, что Япония является многонациональной материковой державой, то этнологи заговорили о том, что на самом деле японцы – это мононациональный народ, всегда проживавший на островах. Они признавали это положительным фактором, потому что островное положение Японии, ее изолированность позволили сформировать уникальный японский народ с его уникальной культурой. Твердя о том, что островная Япония окружена водной стихией, послевоенные этнологи воспринимали море как преграду, а не как возможность для общения. Эта преграда воспринималась по преимуществу в положительном смысле – как возможность для выработки уникального японского менталитета и стиля жизни.²⁴ Такой подход как бы возвращал японцев в эпоху Токугава, когда окруженность стихией моря трактовалась как непреодолимая преграда – как для иноземного вторжения, так и для проникновения в Японию «вредных» обычаев, исходивших из внешнего мира. Но если до войны идеи Янагита Кунио об «островной» Японии не пользовались широкой популярностью и государственной поддержкой, то теперь его признают отцом-основателем японской этнологии, а в 1951 г. награждают орденом культуры. Его книги становятся бестселлерами.

Таким образом, и после войны в деле идентификации географический фактор был задействован в полной мере, идея о том, что природные ус-

²⁴ Подр. см.: Мещеряков А. Н. Послевоенная Япония: этнологическое уничтожение истории. В сб.: Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010. С. 236–251.

ловия являются ключевым моментом в формировании национального менталитета, нашла себе новых сторонников. Времена менялись, но идея географического детерминизма по-прежнему владела умами. Сам термин «островная страна» обрел положительные характеристики и наполнился особой теплотой. Он служил доводом в пользу исключительности японцев. Во второй половине 60-х годов, когда мир заговорил об японском «экономическом чуде», начался расцвет идеологии, известной как «японизм» (*нихондзинрон*). Эта идеология обосновывала отличность японцев от всех других народов. Основой этой идеологии стал тезис об «островной стране», природа которой уникальна, благодатна, прекрасна. Японцы же – ей под стать.

«*Нихондзинрон*» – разновидность культурного национализма. В то же самое время следует помнить, что это был тот его редкий вариант, который лишен агрессивной составляющей.

Закончилась ли дискуссия по поводу роли географического фактора в процессе самоидентификации? Думается, что нет. В последние десятилетия в общественном дискурсе большой популярностью стало пользоваться понятие «Японский архипелаг» (*Нихон рэтто*), которое обозначает множественные острова с прилежащим к ним морем. Впервые в широкий оборот это понятие было введено премьер-министром Танака Какуэй, который в 1972 г. опубликовал книгу «Реформа Японского архипелага». Эта книга была опубликована на пике популярности дискурса «*нихондзинрон*», озабоченного поисками уникальности Японии и японцев. Поскольку в это время Япония стремительно превращалась в экономического гиганта, то в общественно-государственно-этническом дискурсе господствовали в целом оптимистические настроения, под влиянием которых в общественном сознании «увеличивалась» и территория страны. Этому осознанию способствовало официальное введение в 1982 после многолетних дебатов исключительной экономической зоны, в связи с чем общая территория Японии, подверженной хозяйственному освоению, значительно возросла. Современный исследователь с азартом доказывает своим оппонентам, что Японский архипелаг – совсем не маленькая страна. Хотя площадь ее суши составляет 380000 квадратных километров (60-е место в мире), но с учетом исключительной экономической зоны она занимает уже почетное девятое место.²⁵

Желание человека себя с территорией, на которой он обитает, видимо, имеет биологическое основание. Меняется человек, под влиянием антропогенного фактора меняется и территория. И теперь из уст японцев мы слышим не только похвалы японской земле и природе, но и призывы к их улучшению. Об этом свидетельствуют и правительственные про-

²⁵ Окамото Масатака. Симагуникан сайко – утинару табунка сякайрон котику-но тамэни. (Пересмотр концепции островной страны: к вопросу о создании социальной теории нашей многокультурности). // Фукуока кэнрицу нингэн сякай гакубу киё. – 2010. – №2. – С. 79.

граммы по «улучшению» среды обитания. В 1998 г. кабинет Хасимото принял пятую после окончания войны программу по комплексному развитию Японии. Эта программа, рассчитанная на выполнение к 2015 г., имеет подзаголовок «Создание прекрасной земли». В преамбуле программы говорится о необходимости «продемонстрировать миру прекрасную землю, на которой живут японцы, которые обладают современной культурой и образом жизни, связанных с особенностями исторического пути и территории, продемонстрировать вызывающие чувство уважения острова-сад, утвердить идентичность нашей страны в условиях глобального мира». Поддерживая эту программу, мыслитель Кавакацу Хэйта прямо утверждает, что идентичность японцев напрямую связана с понятиями «остров» и «сад», которые являются «визитной карточкой» Японии в мире. И потому он тоже призывает к тому, чтобы превратить Японию в «острова-сад».²⁶ Таким образом, мы видим, как и в нашем «рационалистическом» времени находится достаточно места и для мечты о «райском острове».

Проведенный анализ показывает, что представления о размере страны и благодатности земли имеют достаточно субъективный характер, обусловленный исторической ситуацией, состоянием государственности, культурными особенностями, господствующей в тот или иной период картиной мира, эмоциональным настроением эпохи. Именно указанные факторы, а не точно измеряемая «площадь», оказывают определяющее влияние на представление о размерности в общественном сознании и подсознании. При этом описание среды обитания (территории Японии) производилось с помощью ограниченного набора терминов и понятий. К таким ключевым понятиям относятся: остров(а), море, восток, солнце, горы, вода (влажность), центр, периферия. Прибавление к ним соответствующих определений и уточнений создает тот словарь, с помощью которого и производились операции по осмыслению природной среды обитания на протяжении всей японской истории.

Преимущество в описании территории страны наблюдается и еще в одном отношении: концепты, которые следует охарактеризовать как «географический детерминизм», неизменно играли выдающуюся роль. Таким образом, природный фактор признавался первичным по отношению ко всей социальной сфере. С нашей же «современной» и «рационалистической» точки зрения осмысление природных реалий находилось в прямой зависимости от реалий социальных. Однако сами творцы истории вряд ли согласились бы с мнением современного историка и посчитали бы его предрассудком.

²⁶ *Кавакацу Хэйта. Фукоку ютоку рон. (О морали богатой страны). Токио: Тюо бумпо, 2000. С. 20, 32–34.*